

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-5-71-77>

EDN: <https://elibrary.ru/xdxsxk>

NIION: 2003-0059-5/23-781

MOSURED: 77/27-003-2023-05-980

Правовое значение предмета правонарушения для квалификации преступлений и административных правонарушений

Виктор Иванович Динека¹, Анатолий Васильевич Зубач², Александр Олегович Гукаленко³

^{1,2,3} Государственный Университет Управления, Москва, Россия.

¹ viktordi@rambler.ru

² cort91@inbox.ru

³ gukalenkoa@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемные аспекты правовой науки относительно определения предмета преступления и административного правонарушения. Указывается на применение системного подхода в правотворческой деятельности по установлению соответствующих правовых предписаний, а также его использование в правоприменительной деятельности при квалификации преступлений и административных правонарушений.

Ключевые слова: предмет преступления, предмет административного правонарушения, уголовное право, законодательство об административной ответственности, квалификация правонарушений

Для цитирования: Динека В. И., Зубач А. В., Гукаленко А. О. Правовое значение предмета правонарушения для квалификации преступлений и административных правонарушений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 71–77. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-5-71-77>. EDN: XDXXSK.

Original article

The legal significance of the subject of the offense for the qualification of crimes and administrative offenses

Viktor I. Dineka¹, Anatoly V. Zubach², Alexander O. Gukalenko³

^{1,2,3} State University of Management, Moscow, Russia

¹ viktordi@rambler.ru

² cort91@inbox.ru

³ gukalenkoa@mail.ru

Abstract. The problematic aspects of legal science regarding the definition of the subject of a crime and an administrative offense are considered. It is pointed out the use of a systematic approach in law-making activities to establish appropriate legal regulations, as well as its use in law enforcement activities in the qualification of crimes and administrative offenses.

Keywords: subject of the crime, subject of an administrative offense, criminal law, legislation on administrative responsibility, qualification of offenses

For citation: Dineka V. I., Zubach A. V., Gukalenko A. O. The legal significance of the subject of the offense for the qualification of crimes and administrative offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(5):71–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-5-71-77>. EDN: XDXXSK.

В соответствии с парадигмой, утвердившейся в правовой науке уголовного и административного права, в качестве предмета преступления и административного правонарушения предлагается рассматривать не любую вещь материального мира, а лишь ту, которая вовлекается в процесс совершения соответствующего правонарушения, что позволяет его рассматривать в качестве криминализирующего признака в процессе законотворчества и обязательного при квалификации конкретного преступления или административного правонарушения. Для уголов-

ного права и законодательства об административной ответственности важное значение имеет функциональное использование предмета правонарушения в противоправном поведении. Правонарушитель может преследовать различные цели: завладение, приобретение права на имущество, приспособление для совершения конкретного правонарушения. Одновременное посягательство на объект правонарушения влечет за собой неизбежную деформацию общественных отношений, что порождает прямую взаимосвязь между посягательством и конкретным материальным

© Динека В. И., Зубач А. В., Гукаленко А. О., 2023

предметом. Последний, будучи вовлеченным в общественные отношения (производство, обмен, приобретение, переделка, потребление), в уголовном праве и в законодательстве об административной ответственности признается факультативным признаком объекта. Несмотря на его факультативное значение, предмет существенно влияет на правовую оценку совершенного деяния, но лишь тогда, когда определены его место и роль в правонарушении. Подобное не требуется при посягательствах на общественные отношения, в которых предмет не принимает участия (беспредметные деяния). Например, заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ). В любом случае, в предметных преступлениях и административных правонарушениях, происходит конфликт между собственником предмета и посягателем на него, ради которого и совершается правонарушение. Например, завладение чужим имуществом при его хищении (кража, мелкое хищение, грабеж, разбой и т. д.).

Для определения предмета преступления имеет важное значение признак его материальности, что позволяет определить свойство самой вещи, имеющей не только ценность, но и способность ее материализации в объективной реальности (произведена, изготовлена, потреблена). Нередко в качестве предмета правонарушения признаются нематериальные ценности. К таковым следует относить информацию, интеллектуальные права, но не в их субъективном представлении носителя, а лишь после того, как они реализованы фактическим созданием материального предмета (произведение искусства, издание литературного или научного произведения, разработка компьютерной программы и т. п.). В подобных случаях в качестве предмета правонарушения, на который происходит противоправное воздействие, следует рассматривать право его автора, неразрывно связанное с материальным предметом.

Часто вещи материального мира в процессе совершения правонарушения подвергаются активному воздействию, что влечет за собой их видоизменение. Это может быть переделка (учебное оружие в боевое), частичное или полное его уничтожение (поджог автомобиля из мести). Нередко материальный предмет не видоизменяется, и правонарушитель ограничивается его присвоением или использованием в неизменном виде (ст. 166 УК РФ — угон автомобиля). Иногда он может быть произведен самостоятельно для опре-

деленных целей (ст. 177 УК РФ фальшивомонетничество — ст. 177 УК РФ, незаконное производство, переделка огнестрельного оружия — ст. 223 УК РФ, незаконное производство, сбыт, пересылка наркотических и психотропных веществ — ст. 228.1 УК РФ).

Следовательно, для признания вещи материального мира в качестве предмета правонарушения необходимо учитывать его различные правовые состояния, в том числе характер и степень произведенного на него преступного воздействия. Данное обстоятельство является основанием для определения фактического наличия и оценки материальных или нематериальных характеристик имущества в целях признания его в качестве предмета правонарушения. Использование материального предмета нередко позволяет рассматривать его орудием или средством совершения правонарушения, что также оказывает существенное влияние на правовую оценку объективной стороны [1].

Для определения предмета правонарушения имеют значение доктринальные учения о развитии данного понятия, его содержание, правовое значение [2]. Для этой цели немаловажное значение приобретает судебное толкование, основным назначением которого является именно толкование, а не произвольное усмотрение, границы которого нередко выходят за рамки доктринальных учений. Нередко руководящие судебные рекомендации содержат расширительное толкование предмета правонарушения. В подобных случаях неверное толкование либо определение места и роли такого предмета, приводит к применению недопустимого в уголовном праве и в законодательстве об административных правонарушениях принципа объективного вменения. Подобные «допуски» также должны быть предметом детального научного анализа. В научной сфере появляются работы, где обосновывается взгляд о том, что судебное толкование является источником права, в рамках которого обосновывается приоритетное значение не закона, а его судебное видение [3]. Подобный подход, создает условия для формирования своеобразного в юриспруденции подхода, суть которого заключается в искусственном изобретении правовых предписаний, обреченных на правоприменительный произвол, разрушающих доктринальные правила, исповедуя личные усмотрения, выдавая их за оригинальные научные достижения. Подобные утверждения сложно признать научными, поскольку они подчинены не

развитию правовой науки, а преследуют конкретные цели изобрести что-то необычное, «новаторское» по принципу «я же тоже ученый и что-то должен придумать». Нередко в научной сфере предлагается усматривать наличие состава в уголовно-исполнительных отношениях [4] с рекомендацией его применения в процессе исполнения наказания, назначенного по приговору суда. Подобные научные изыскания влекут за собой неизбежность произвольного толкования законов «для себя и под себя», трактуя нормы как угодно и для кого угодно. И происходящее не единично, оно имеет множество последователей. Все это выдается за высокие научные достижения, особую оригинальность мышления. Такие научные произведения иллюстрируют возникновение признаков объективно-субъективного заката правовой науки, в которой материальные понятия преступления и административного правонарушения найдут свое пристанище в рамках нормативистской теории либо теории субъективного права, либо вовсе постепенно уйдут с правового поля. Происходящее подтверждает наличие весьма негативной тенденции, которая должна насторожить научное сообщество, не допуская проведение научных исследований, выходящих за рамки доктринального права.

Значительную функцию в имплементации частного права в публичное выполняет содержание и качество периодических судебных толкований касательно различных элементов и признаков составов преступления и административного правонарушения. В качестве иллюстрации разноплановой оценки предмета преступления в правоприменительной и судебной практике рассмотрим его содержание при совершении преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ — «Незаконная рубка лесных насаждений», где в качестве такового выступают лесные насаждения. Ошибочное понимание и толкование таких терминов, как «заготовка», «валежник», «лесные насаждения» нередко приводит к признанию в качестве предмета различных преступлений (ст. 158 УК РФ, ст. 260 УК РФ).

Не представляет никакого секрета то, что работа по сохранности лесов и уход за ними в Российской Федерации находится в крайне плачевном состоянии, включая значительную захламленность валежником, поваленными деревьями, зарослями, сухостоем, что создает условия для постоянного возникновения и распространения пожаров. В этой связи

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 77-ФЗ «О внесении изменений в статью 32 Лесного кодекса Российской Федерации» (далее — ФЗ № 77-ФЗ) гражданам было предоставлено право для собственных нужд вести заготовку и сбор валежника. Законом предложено под термином «валежник» понимать все то, что не спилено, не срублено, не срезано, а обнаружено на земле в упавшем виде и не имеет механических следов спиливания, срезания и не имеет признаков растительной жизни. А как поступать с деревьями, поваленными ветром либо в период стихийных явлений (гроза, вихрь)? Сухостой к валежнику не относится и является разновидностью бесхозной древесины (бревна, порубочные и распилочные материалы), оставленной в лесу на территории лесных участков. Упавшие на землю по различным причинам деревья — стихийные явления природы (гроза, буря и т. п.) — также отнесены законом к валежнику. Не признаются валежником деревья, падение которых связано с буреломом, но имеют зеленую листву и их корень не был отделен от земли. Содержания федерального закона и положения лесного законодательства позволяют сделать вывод о том, что при незаконной порубке предметом преступления являются исключительно древесные ресурсы, к числу которых следует относить любые деревья, кустарники, за исключением валежника, образование которого связано с различными причинами, в том числе стихийного характера.

С учетом бланкетной диспозиции указанных норм (кража — ст. 158 УК РФ и незаконная порубка лесных насаждений — ст. 260 УК РФ), для выявления отличительных признаков предмета преступления следует обратиться к положениям Лесного кодекса РФ, в котором все то, что находится в лесах, разделено на две категории: *древесные и недревесные ресурсы*. Произрастающие в лесу деревья и кустарники (зеленые насаждения) отнесены к древесным ресурсам (ст. 32 ЛК РФ), а недревесными признаются валежник, пни, береста, кора деревьев и кустарников, хворост, веточный корм, еловая, пихтовая, сосновая лапы, ели или деревья других хвойных пород, используемых для новогодних праздников, мох, лесная подстилка, камыш, тростник и подобные лесные ресурсы. Ныне данный закон позволяет гражданам право на самостоятельный сбор валежника в лесу: высохшие, трухлявые ветви, стволы деревьев и кусты, но только в том случае, если они оказались на земле по причинам есте-

ственного порядка: стихийные силы природы, в том числе ветровальные явления, бурелом. Соответственно валежник не может относиться к древесным лесным ресурсам, а, следовательно, его недопустимо рассматривать предметом незаконной порубки (ст. 260 УК РФ), в том числе признавать предметом хищения (ст. 158 УК РФ). Но не все так просто, как об этом указано в законе. Его положения с легкостью подлежат изменению локальными правилами заготовки и сбора недревесных лесных ресурсов, которые утверждены в каждом регионе и регламентированы локальные правила сбора древесных и недревесных ресурсов [5]. Такие правила нередко признают валежник древесными ресурсами, что и позволяет признавать их предметом преступления. Например, по закону Московской области разрешен сбор валежника, которым признаются *отпавшие в результате естественных процессов ветви, части стволов деревьев* (п. 13 ст. 3) [6]. Ветровальные деревья, бурелом, несмотря на федеральное законодательство, по мнению законодателей Московской области, таковыми не являются, а их заготовка без специального разрешения запрещена и в зависимости от причиненного ущерба, влечет административную либо уголовную ответственность. Подобные разночтения являются существенными, что пагубно влияет на правовую оценку действий, связанных с незаконной порубкой лесных насаждений, в особенности при ошибках в определении предмета преступления. Зачастую на практике такие противоречия разрешаются в пользу отраслевых норм, что нарушает принцип приоритетного значения федерального закона над локальными нормативными предписаниями. На этой почве происходит различное толкование и определение предмета преступления. Нередко правомерное поведение при заготовке валежника превращается в противоправное с последующим определением процессуального статуса физического лица: подозреваемый, затем обвиняемый и осужденный. Подобное происходит потому, что правоприменитель ошибочно определил правовое значение материального предмета, признав его составной частью преступления.

При незаконной порубке лесных насаждений важным при оценке предмета преступления является определение его места нахождения (произрастание). По этому поводу в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нару-

шения в области охраны окружающей среды и природопользования» — (далее — постановление Пленума ВС РФ № 21) [7, с. 296–315] содержится ряд рекомендаций. Внимание судов обращено на то, что местом произрастания лесных насаждений (древесные ресурсы) являются только те из них, которые расположены как в лесах, так и вне лесов: посадки в парках, аллеях, в черте города, вне зависимости от того, высажены они искусственно или произросли без целенаправленных усилий человека. По мнению высшей судебной инстанции, если местом произрастания являются земли сельхозназначения, то незаконная порубка лесных насаждений признается местом совершения хищения (ст. 158 УК РФ «Кража» либо ст. 167 «Уничтожение или повреждение чужого имущества»). Данное утверждение противоречит положениям отраслевого законодательства — Лесной кодекс РФ — ст. 123, Земельный кодекс РФ — ст. 7 [8], согласно которым местом произрастания лесов являются земли сельскохозяйственного назначения, а также земли лесного фонда. Вопреки этому, суд рекомендует признавать предметом незаконной порубки лесных насаждений те, которые произрастают не только в лесах, но и в черте населенных пунктов, исключив при этом упоминание о землях лесного фонда (п. 1 Пленума № 21). Особенности охраны лесных насаждений, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения, устанавливаются Правительством Российской Федерации. Именно на этом стыке нормативного регулирования возникают недоразумения по поводу оценки места расположения лесных насаждений. Фактически в реальной действительности указанные категории земель — земли лесного фонда и земли сельскохозяйственного назначения — практически всегда расположены рядом: поля для обработки сельхозкультур, посевы зерновых и т. п. Территориально границы прохождения таких категорий земель обывателю, и не только ему, различить сложно, поскольку они нередко смыкаются между собой. Из леса происходит распространение семян произрастающих «лесных насаждений». Они и приживаются на землях сельскохозяйственного назначения без *«целенаправленных усилий человека»*, включая перелески, залесенные площади. По мнению высшей судебной инстанции, если деревья срублены в сквере либо в городском парке, то их следует признавать «лесными насаждениями», хотя они произрастают не на землях лесного фонда и не на землях сельскохозяйственного назначения, а на зем-

лях иной категории — «земли населенных пунктов» (ст. 7 Земельного Кодекса РФ), в границах которых расположены населенные пункты (поселок, город).

А что происходит в правоприменительной практике, если подобные рекомендации суда направлены на оценку предмета преступления, местонахождение которого не дает основания для его признания лесным насаждением? В данном постановлении есть одна спасительная, для самого суда, приписка — «если иное не предусмотрено специальными нормативными правовыми актами». Данная ссылка предоставляет правоприменителю право использовать различные нормативные акты (локальные, отраслевые, региональные), что и позволяет оценивать правомерные действия преступными, игнорируя необходимость определить предмет преступления с учетом федерального законодательства, реализуя сомнительный принцип усмотрения правоприменителя. Рекомендации высшей судебной инстанции относительно места произрастания лесных насаждений (деревья, кустарники и лианы) не содержат отличительных признаков, характерных для «лесных насаждений», несмотря на очевидную разницу между различными породами деревьев. Одни произрастают в лесу (дуб, сосна, осина, береза), другие, такие как голубая ель, каштан, тополь, липа, в лесу не растут и не культивируются. Они высаживаются в скверах, городских парках, на дворовых территориях. Исходя из судебного толкования получается, что лесными насаждениями (предмет преступления) следует рассматривать любые деревья и кустарники, где бы они ни произрастали (п. 15 Постановления). Смысл подобного судебного усмотрения противоречит положениям Лесного кодекса РФ и Земельного Кодекса РФ, что и позволяет рассматривать предметом незаконной порубки любые лесные насаждения (деревья и кустарники), произрастающие не только в лесах, но и в пределах территории населенного пункта (город, поселок).

Анализ действующего законодательства, в том числе судебных толкований, посвященных лесному хозяйству, категориям земель, на которых находятся лесные насаждения, показывает наличие между ними существенных различий. Так, ЛК РФ земли лесного фонда подразделяет на земли лесные и нелесные (ст. 6.1). Лесными землями являются те, где расположены леса, в том числе и земли, предназначенные для лесовосстановления (вырубки, гари, редины, пустыри, прогалины и др.). Нелесными признаются земли, не-

обходимые для освоения лесов (просеки, дороги и др.) и земли неудобные для использования (болота, каменистые россыпи и др.). Границы земель лесного фонда определяются границами лесничеств [9].

Немаловажной проблемой также является уголовно-правовая оценка преступного действия, в результате которого совершается противоправная рубка лесных насаждений с использованием различных средств незаконной рубки. Федеральное законодательство при заготовке валежника разрешает использовать в качестве таких средств ручные пилы, топоры и легкие бензопилы. Региональные правила применения подобных инструментов запрещают. Дополнительно к этому, ни в законе, ни в локальных нормативных актах, не содержится разъяснений (определения), что следует относить к пилам, какие именно модели можно использовать для заготовки. А зачем применять пилы, если по локальным нормативным актам заготовка допустима лишь при сборе валежника в виде сухих веток толщиной 4 см? А каким образом возможна заготовка без специального инструмента разрешенных федеральным законом поваленных деревьев (бурелом), если толщина их ствола превышает 50 см и более? Дополнительно к указанным неточностям существуют всевозможные ограничения. К примеру, разрешена заготовка пней в лесах любого целевого назначения, но при условии, что это не нанесет ущерб подросту и другим насаждениям и т. п. Каким образом выполнить подобное, если вокруг пня имеется подрост и другие насаждения?

Проведенный краткий анализ федерального и регионального законодательства, включая авторитетное мнение высшего судебного органа, позволяет сформулировать некоторые выводы.

Во-первых, предметом преступления (ст. 260 УК РФ) следует рассматривать исключительно лесные насаждения и только те, которые произрастают на землях лесного фонда и относятся исключительно к категории древесных ресурсов, противоправно добываемых путем физического на них воздействия с отделением их от корня, повлекшее за собой полное прекращение их роста. Недопустимо признавать предметом преступления деревья, собранные в результате прекращения их естественного роста по различным причинам: бурелом, падение в результате естественных природных причин (ветровальные, буреломные явления). Также нельзя рассматривать предметом кражи (ст. 158 УК РФ) заготовку таких деревьев.

Во-вторых, предметом преступления должны быть только те лесные ресурсы, которые на самом деле отвечают требованиям «лесных насаждений» и произрастают исключительно на землях лесного фонда, что должно быть взаимосвязано — лесные насаждения и место их обычного, естественного роста. На практике подобная взаимосвязь игнорируется, что порождает неправомерное признание бытового события по правомерной заготовке валежника в качестве преступления, что и позволяет материальный предмет необоснованно превращать в предмет преступления, что противоречит принципу законности и вины (ст. 5 УК РФ).

В-третьих, основной причиной происходящего нарушения принципа системности при подготовке нормативных правил и предписаний, в которых полностью отсутствует взаимосвязь между федеральным законодательством, регулирующим вопросы оборота лесного фонда и лесных насаждений по заготовке гражданами валежника и поваленных деревьев. По этой причине появляются противоречивые отраслевые правила и несогласованности, когда в одном случае предметом правомерной заготовки для собственных нужд рассматриваются непригодные для роста поваленные деревья, валежник (недревесные ресурсы). В другом случае, согласно отраслевым правилам, упавшие деревья неправомерно признаются предметом мелкого хищения (ст. 8.28 КоАП РФ — «Незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан»). В третьем случае аналогичные события квалифицируются уголовно-наказуемой кражей (ст. 158 УК РФ), а четвертом, как незаконная порубка лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан (ст. 260 УК РФ). При этом совершенно не учитывается место произрастания лесных насаждений, среди которых не могут быть земли различной категории, а лишь те, которые относятся к категории земель лесного фонда. Недопустимо признавать в качестве таковых те зеленые насаждения (деревья, кустарники), культивируемые в питомниках, которые посажены в городских парках, скверах и имеют совершенно иное целевое назначение — озеленение мест проживания и отдыха населения.

Во всех перечисленных ситуациях отличие правомерного от неправомерного поведения напрямую зависит от правильного определения предмета преступления, что по аналогии характерно и для определения предмета административного правонарушения,

а допускаемые ошибки являются следствием пренебрежительного отношения законотворческой практики не только к игнорированию принципа системности в нормативных предписаниях различного уровня, но и способствует появлению коррупциогенных правовых норм и коррупционных проявлений. Их наличие создает благоприятные условия для совершения различных должностных преступлений: злоупотребление служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 285 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) либо ее вымогательство (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ). Непреднамеренное нарушение признака системности позволяет закладывать правовые основы массового правового нигилизма. Если руководствоваться вышеуказанными выдержками из судебной рекомендации «как источника права», то в недалеком будущем обязательно свершится давняя мечта «либералов от науки» — повсеместное внедрение судебного прецедента и всеобъемлющего объективного вменения. Они не скрывают своего восхищения, находясь в ожидании своей мечты, усердно копируют «западные прогрессивные взгляды», занимаются систематической «унификацией российского права под их правовые лекала», добиваясь торжества, получая финансовую поддержку со стороны «донорских программ и грантов» [10].

Список источников

1. Динека В. И., Денисенко М. В., Жабский В. А. Предмет преступления в уголовном праве // Ученые труды российской Академии адвокатуры. 2022. № 1 (64). С. 40–48.
2. Коргулев А. Г. Предмет преступления в современном уголовном праве: понятие, признаки, вопросы квалификации и законодательной регламентации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
3. Ображиев К. В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4.
4. Орлов В. Н. Применение и отбывание наказания: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2015.
5. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесами и находящимися в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Закон Московской области от 12 июля 2007 г. № 104/2007-ОЗ (ред. от 25 февраля 2019 г.) «Об использовании лесов на территории Московской области» (принят постановлением Мособлдумы 4 июля 2007 г. № 14/13-П) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Сборник постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. А. Г. Хлебушкин. 3-е изд. М. : Проспект, 2019.

8. Земельный Кодекс Российской Федерации. М., 2019.

9. Лесной Кодекс Российской Федерации. М., 2017.

10. Марк Дитрих. Правовая и судебная реформа в странах Центральной Европы и бывшего Советского Союза. Выпущено в Соединенных Штатах Америки. Впервые опубликовано в августе 2007 г. Спонсор выпуска Всемирный Банк (Международный Банк реконструкции и развития). 1818. Street N.W. Wasington, D.C. 204433, USA.

References

1. Dineka V. I., Denisenko M.V., Zhabsky V. A. The subject of a crime in criminal law // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy. 2022. No. 1 (64). P. 40–48.

2. Korgulev A. G. The subject of crime in modern criminal law: concept, signs, issues of qualification and legislative regulation: abstract. diss.... cand. jurid. M., 2022.

3. Obrazhiev K. V. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as formal (legal) sources of Russian criminal law // Criminal Law. 2008. № 4.

4. Orlov V. N. Application and serving of punishment: abstract. diss. ... doct. jurid. M., 2015.

5. Decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2018 No. 1730 «On approval of the specifics of compensation for damage caused by forests and natural objects located in them due to violations of forest legislation» // LRS «ConsultantPlus».

6. Law of the Moscow Region of July 12, 2007 No. 104/2007-OZ (ed. dated February 25, 2019) «On the use of forests on the territory of the Moscow region» (adopted by the resolution of the Moscow City Duma on July 4, 2007 No. 14/13-P) // LRS «ConsultantPlus».

7. Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases / comp. A. G. Khlebushkin. 3rd ed. M. : Prospect, 2019.

8. Land Code of the Russian Federation. M., 2019.

9. Forest Code of the Russian Federation. M., 2017.

10. Mark Dietrich. Legal and judicial reform in the countries of Central Europe and the former Soviet Union. Released in the United States of America. First published in August 2007. The sponsor of the issue is the World Bank (International Bank for Reconstruction and Development). 1818. Street N.W. Wasington, D.C. 204433, USA.

Информация об авторах

В. И. Динька — профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Зубач — заведующий кафедрой публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент;

А. О. Гукаленко — аспирант кафедры частного права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Information about the authors

V. I. Dineka — Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Doctor of Legal Sciences, Professor.

A. V. Zubach — Head of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

A. O. Gukalenko — Postgraduate Student of the Department of Private Law of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 04.09.2023. The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 05.07.2023; accepted for publication 04.09.2023.